

Философская жизнь

ТАЙНА МЕТАФИЗИКА-МИЛЛИОНЕРА*

Дж. Раерсон

В июне 2000 г. декан философского факультета университета Нотр-Дам Циммерман вместе с женой и тремя детьми переехал в Сиракузский университет и немедленно стал свидетелем того, как пожар уничтожил его дом. Мало что уцелело из его имущества. «Мы были без жилья полгода, – вспоминает Циммерман, – и это было безрадостное существование».

Через неделю после пожара в пирожном – предсказателе судьбы, которое подали Циммерману в китайском ресторане, он обнаружил сообщение, что в течение года переедет в новый дом. Циммерман, метафизик, чьи интересы лежат в области воскрешения и божественной вечности, был ободрен новостью. Когда же он посетил этот ресторан тремя месяцами позднее, ему выпало второе предсказание: «Способ выхода из финансового тупика появится как по волшебству».

На следующий день Циммерман получил письмо из Института А.М.Мониуса. Напечатанное на стандартном бланке, оно было подписано директором института Нетцин Стеклис. В письме Циммерману предлагалось щедрое вознаграждение за рецензию 60-страничной работы по метафизике под названием «Приходя к пониманию». Как было объяснено в письме, институт «существует во имя главной своей цели – распространения работы «Приходя к пониманию» и поощрения критических рецензий на нее с целью ее улучшения». За философскую

* См.: www.linguafranca.com/print/0107/cover, 26.06.01. Здесь публикуется с разрешения автора. Перевод с английского В.В.Целищева.

службу Циммерману было обещано выплатить астрономическую сумму в 12 тыс. долларов.

Тем временем за три тысячи миль от Циммермана, в Англии, преподаватель философии Джонатан Дэнси вернулся из отпуска и увидел, что надо срочно чинить крышу. Он также обнаружил письмо. “Я прибыл домой и увидел, что крыша просто обвалилась, и не знал, как мне решить эту проблему”, – рассказывал Дэнси.

Письмо, пришедшее из Института А.М.Мониуса, содержало то же самое замечательное предложение, которое было сделано Циммерману. “Это было столь таинственно, – сказал мне Дэнси. – Они предлагают мне 12 тыс. долларов! Это настоящий подарок свыше”.

Циммерман и Дэнси были не единственными учеными, получившими выгодное предложение. Вскоре список вырос, в него вошли еще по крайней мере девять философов: Эрмано Бенчивенга (Айрвайн), Ян Кавер (Пурдю), Джон Хоторн (Сиракузы), Трентон Меррикс (Вирджиния), Эйджен Миллс (Вирджиния), Гидеон Розен (Принстон), Майкл Скривен (Клермон), Теодор Сайдер (Сиракузы), Тед Ворфилд (Нотр-Дам).

В письме из института говорилось, что “весьма большая сумма денег” будет выплачена с целью помочь “возрождению традиционной метафизики”. Если прикинуть число философов, которым было сделано предложение, то ассигнуемая на это дело сумма составит около 125 тыс. долларов. Кто же мог потратить такие деньги на философию? А из тех, кто мог бы это сделать, кто пожелал это сделать? Не было никакого ключа к разрешению этой загадки.

Что касается института, то он был чудовищно засекречен. Многие философы говорили со Стеклис по телефону, и она отказалась раскрыть какую-либо информацию относительно авторства рукописи, финансирования института или ее начальства. («Она делала таинственные ссылки на “Комитет”», – вспоминает Циммерман.) Согласно инструкции философы загрузили “Приходя к пониманию” с сайта института. Затем с чувством озадаченности и неверия они стали ожидать поступления контракта по почте.

Судя по контракту для рецензентов и самой рукописи “Приходя к пониманию”, институт занимался бизнесом. Во-первых, рукопись, подписанная А.М.Мониусом, предполагала работу серьезного мыслителя, а не шутника. “Она вовсе не казалась розыгрышем, – говорит Циммерман, – это не было шуткой. Это была работа весьма одаренного автора – умного человека, способного делать большие философские ошибки и в то же время имеющего умные идеи”. Теодор Сайдер был приятно

удивлен. “Сказать по правде, – говорил он, – когда я углубился в рукопись, мне было просто приятно”. Ему вторит Дэнси: “Есть такие вещи, с которыми вы не хотите иметь дела. Но меня убедила эта работа. Она была лучше многих рукописей, которые я рецензировал для ведущих издателей. Она по крайней мере отличалась от остальных”.

Контракт выглядел еще более профессиональным. Написанный беглым юридическим языком, он содержал 11 пунктов и условий, включая требование о том, чтобы рецензент опубликовал статью (а не просто рецензию) в “Journal of Philosophy”, “The Philosophical Review”, “Mind”, “The Monist”, “Nous”, “Review of Metaphysics”. Рецензентам предлагался выбор: написать либо “существенно критическую рецензию”, либо “приветственную”. Под рецензией понималась “разумная критика (благоприятная или нет)”, которая бы содержала “детальные позитивные предложения” по улучшению работы. Рецензия должна была иметь объем не меньше 30 страниц и быть “совместимой с профессиональными стандартами рецензий на эту тему”. Другой вариант – двухстраничное приветствие, оно должно было “восхвалять” работу “Приходя к пониманию” и “отмечать ее достоинства и значение”. За этот вариант выплачивалось 4 тыс. долларов.

Вопреки явному профессионализму института, его анонимность и таинственность привели к тому, что рецензенты сделались капризными, даже после получения подписанных контрактов. “Некоторые из нас удивлялись: что за черт? Это что, все реально?” – говорил Ян Кавер. Сайдер считал, что “все это было рискованно”, потому что он “понятия не имел, что это за публика”. Дэнси предположил, что у него есть один из десяти шансов получить плату, и признался, что “до сих пор питает подозрения по этому поводу”. Трентон Меррикс, разделяя эти чувства, заметил, что он надеется, что А.М.Мониус – это “Джордж Сорос, а не лидер какой-нибудь секты”.

Несмотря на все опасения рецензентов, чеки пришли, как и было обещано. Все эти рецензии, за исключением рецензии Гидеона Розена, сейчас появились на сайте института и всем 11 рецензентам было заплачено сполна. (Только Тед Ворфилд выбрал приветствие.) “Моя почасовая оплата поднялась”, – поведал один из рецензентов, не пожелавший назваться. Однако постепенно возбуждение по поводу оплаты улеглось, но продолжало расти любопытство по поводу института и автора. “На памяти многих это определенно наиболее странное предприятие, – признался Циммерман. – Это просто неслыханно. Это безумие. Оксфорд платит вам пару сотен долларов за рецензию на книгу в 600 страниц”. Несколь-

ко любопытных рецензентов попытались прояснить ситуацию и предприняли предварительные исследования с помощью Интернета и телефонных звонков, но это мало к чему привело.

В начале апреля нынешнего года один из рецензентов вошел в контакт с “Lingua Franca”, надеясь на интерес некоторых “литературных ищущих”. Мне было предписано заняться этой историей. На одном из этапов моего расследования доступные данные указывали на самых разных людей – начиная с принстонского философа Марка Джонсона, киноактрисы Сигурни Уивер и профессора религии из Вирджинского университета с подозрительным именем Анна Мониус. Как оказалось, никто из этих людей не имел отношения к работе или финансовой поддержке Института Мониуса. Но я узнал, кто он. Поэтому здесь я открываю – впервые – результаты сумасшедшей охоты и разоблачаю таинственного А.М.Мониуса.

Мое расследование началось с небольшой информации, которую предоставил о себе Институт А.М.Мониуса. Звонок по номеру телефона, указанному в письме, связал меня с автоответчиком и несколько недель я не получал ответа. К тому же в письме был указан адрес в Пенсильвании. На карте я нашел небольшую дорогу на Интерстейт 95, около границы с Нью-Джерси.

В обратном адресе были указаны три других номера телефона дирекции института, все на имя Джитендраха Шаха. Позвонив по одному из этих номеров, я попал в магазин компьютеров. Я спросил Неттин Стеклис, и меня уверили, что я ошибся номером. Я звонил несколько раз по этим номерам, спрашивая Институт А.М.Мониуса, и на том конце человек взорвался: “Их номер 321-5809”. Естественно, это была шутка.

Вероятно, более плодотворным вариантом поисков было название института. Античность гордится двумя неоплатонистскими философами по имени Аммониус. Аммониус, сын Гермеаса, написал комментарии к работам Аристотеля, включая “Категории”. Так как в “Приходя к пониманию” пространно обсуждаются именно “Категории”, сын Гермеаса кажется подходящим кандидатом на эпонима для института. Что касается другого Аммониуса – Аммониуса Саккаса, которого некоторые рассматривают как основателя неоплатонизма, то это мыслитель, окутанный тайной, он взял клятву с Плотина и его учеников хранить его учение в секрете. Это было очень похоже на А.М.Мониуса. Но все это спорно: среди тех немногих исследователей, кто знает хоть что-то о любом из Аммониусов, никто не слышал о дилетанте, со страстью занимающемся философскими исследованиями.

Настало время заняться Нетцин Стеклис, женщиной, чье имя было просто предназначено Богом для поиска через Интернет. (*Нетцин* – сокращение от *Ненетцин*, что означает королевскую куклу у майя, *Стеклис* – немецкая фамилия.) Поговорив со Стеклис по телефону, большая часть рецензентов сказали мне, что, по их предположению, она просто работник офиса, который занимается рутинными делами.

Истина была гораздо более странной: Нетцин Джеральд-Стеклис, когда она не занята бормотанием по телефону о загадочном институте метафизики, является директором научного Информационного ресурсного центра Международного фонда изучения горилл. Ей 34 года, и она замужем за Хорстом Дитером Стеклисом, выдающимся антропологом из Ратгерса, который старше ее на 21 год. Живут они с двумя детьми в Аризоне, часто выезжают в Руанду, где ведут полевые исследования как приматологи. Стеклисы немедленно попали под подозрение, хотя и малообоснованное. Если принять во внимание, что они заняты интенсивным изучением горилл (об этом писали газеты и журналы), то они плохо умещались в схему: вряд ли они были философами, которые грезят невыразимыми абстракциями спекулятивной метафизики. Они не ответили на телефонное сообщение, которое я оставил им на автоответчике.

Насколько я могу полагать, единственная связь Стеклисов с непомерным богатством объяснялась связью с Международным фондом изучения горилл. Попечительский комитет фонда включает некоторое число богатых людей (и таким образом они попадают под подозрение). Не последними среди них являются истребитель “чужих” актриса Сигурни Уивер и мультимиллионер-программист Ларри Элисон.

Последним важным фрагментом информации об институте были документы юридического лица, давшие имена двух человек – Джозефа Хенесси и Марка Сандерса. Интернет выдал имя Хенесси в перечне членов Ассоциации филаделфийских юристов. По телефону ассоциация назвала Хенесси как партнера фирмы “Морган, Льюис и Бокиус”.

Хенесси был серьезным подозреваемым. В дополнение к тому, что он изучал право, его магистерская и докторская диссертации в университете Нотр-Дам были посвящены политической мысли. Как состоятельный юрист Хенесси мог позволить себе некоторые траты. В сведениях о его компании не упоминались ни его жена, ни дети. Но мог ли быть А.М.Мониус столь легкомысленным, чтобы оставить довольно необычное и легко прослеживаемое имя в публичных документах? Я решил прекратить расследования по Хенесси до тех пор, пока не продвинусь дальше.

С Сандерсом была другая история. Он не работал в фирме Хенесси, но этот факт не очень-то помогал, потому что его имя было весьма распространенным. Поиски через Интернет дали список по всей стране: математический консультант, риэлтер, юрист, тренер, иммигрант, редактор и многие другие. Хуже того, почти во всех городах жили М. Сандерсы, которые в той или иной степени могли быть связаны с институтом. Даже если бы я смог идентифицировать подозреваемого с этим именем, смог ли бы я обвинить его в блефе, если бы он притворился глухим?

Добравшись до конца моей нити, сплетенной из фактов, я обратился к чтению манускрипта “Приходя к пониманию”, с тем чтобы использовать его в качестве возможного ключа.

“Приходя к пониманию” является примечательным документом. Как заметил в своей рецензии Бенчивенга, по безрассудной смелости работа напоминает такие философские вершины, как “Размышления” Декарта, “Критика чистого разума” Канта и “Воля к власти” Шопенгауэра (Бенчивенга описывает ее как “самостоятельный образец размышления, о котором надо судить исходя из него самого”). С немногими цитатами и без всяких ссылок в рукописи дается “полномасштабное объяснение реальности, ее происхождения и цели и того, как они увязаны друг с другом”. Затронутые в рукописи вопросы широко известны: имеет ли реальность цель? почему вещи постижимы?

Как метафизическая работа “Приходя к пониманию” поднимает вопросы там, где их “бросает” наука. Область действия науки есть мир “контингентного бытия” – вещи, которые могли бы существовать, а могли бы и не существовать. Наука хочет объяснить природу, свойства и причины контингентных вещей, которые и составляют нашу физическую реальность. Но наука не может объяснить, почему эти контингентные вещи вообще существуют. Это вопрос для метафизики: так почему же существует нечто, а не ничто?

В “Приходя к пониманию” делается попытка ответить на этот “старый, непреодолимый” вопрос, но прежде в данной работе отклоняются три главных конкурента: теизм, спинозоизм и гипотеза многих миров. Все эти три позиции, убежден А.М.Мониус, допускают одну и ту же ошибку: вместо того чтобы по-настоящему объяснять существование контингентных вещей, они пытаются показать, что контингентные вещи на самом деле не таковы, каковы они есть, а таковы, каковы они необходимы. Контингентное бытие есть “иллюзия, и, таким образом, оно вообще не нуждается в объяснении”.

Теизм, например, доказывает, что контингентное бытие есть результат необходимо существующего Бога, который необходимо создает “мир, каким он в действительности является”. Вот вам и объяснение. Но как отметил Спиноза в “Этике”, теизм тем самым показывает, что контингентное бытие необходимо (в противном случае оно не могло бы существовать). Это заключение проблематично для теизма, который намерен отличать Бога от физической реальности. Спиноза, с другой стороны, стиснув зубы, принял еретическую мысль, что Бог и природа были эквивалентными и равно необходимыми.

В “Приходя к пониманию” такой результат полагается неприемлемым и утверждается, что удовлетворительная метафизика должна объяснять контингентное без апелляции к необходимому. Дело в том, что теисты в попытке преодолеть вызов Спинозы выдвигают аргумент “правильной формы”, но с “неправильным содержанием”.

После Спинозы теисты поняли, что контингентное должно оставаться контингентным (и, таким образом, отличным от Бога), если оно было создано с какой-то *целью*. Факт существования молотка для некоторой цели делает его существование постижимым, при этом не надо прибегать к необходимости. Теизм заключает, что цель Бога при создании контингентных вещей состоит в том, что последние должны были бы любить Бога любовью, которая признается Богом как фундаментальное благо. Контингентные вещи, таким образом, существуют не потому, что необходимы, а потому что “они должны быть, потому что благо, что они есть”.

А.М.Мониус считает, что в этом аргументе теизм допускает едва уловимую, но важную ошибку, и “Приходя к пониманию” предполагает спасение теистического аргумента через поправку серией тонких аргументов. А.М.Мониус пытается заменить теистического Бога реальностью как целым, или Бытием. Он также пытается заменить личные намерения Бога (контингентные вещи приходят к любви к Богу) неличностным, фундаментальным благом (контингентные вещи приходят к пониманию формы Бытия). Сделав эти уточнения, А.М.Мониус приходит к следующему заключению: “Контингентное бытие существует ради прихода к пониманию формы самого бытия контингентным существованием”. Другими словами, “центральной темой всей драмы реальности” является то, что существа вроде вас, меня и А.М.Мониуса приходят к пониманию цели и структуры реальности.

Как это и должно случиться, цель и структура реальности суть в точности то, что у А.М.Мониуса выступает в качестве его предложения

философии. В утонченных деталях, последние две трети “Приходя к пониманию” посвящены обсуждению категорий типа аристотелевских, таких как Универсальное, Конкретное, Пространственно-временное и Разумное. А.М.Мониус полагает, что эти категории являются демаркацией фундаментальных типов Бытия и в свете их взаимоотношений определяет цель контингентных вещей.

Принимая во внимание этот экскурс в идеологию А.М.Мониуса, какой вывод можно было бы сделать относительно автора? Прежде всего отметим амбиции и браваду, с которой А.М.Мониус пытается реанимировать метафизику на 60 страницах. Это не смиренный, замкнутый мыслитель, но скорее одухотворенный и уверенный в себе строитель миров. “Кто бы ни написал это, – заявляет Дэнси с определенной долей восхищения, – он делает это с такой степенью уверенности, которую он явно заслужил”.

Амбициозное заключение к рукописи “Приходя к пониманию” выдает также некоторый эгоизм, потому что аргумент важен в своих следствиях: смысл жизни состоит, в сущности, в понимании того сообщения, которое дано в “Приходя к пониманию”. Но у автора присутствует и осознание ограниченности его работы: “Вероятно, в решении этой задачи могут быть сделаны ошибки, – задумывается А.М.Мониус, – но по крайней мере это правильная задача”.

Многие рецензенты указывают, кроме того, что “Приходя к пониманию” несет на себе отпечаток усилий любителя. Хотя многие философы были впечатлены аргументацией А.М.Мониуса, у них не было иллюзий относительно нее, и они прекрасно понимали, что это отнюдь не великая философская работа. Больше того, они осознавали, что эта работа не отвечает профессиональным стандартам. “Это как раз то, что вы можете ожидать от интеллигентного любителя, – замечает Сайдер, – от того, кто не имеет образования в области спекулятивной метафизики, но кто очень сообразителен”. “Аргументация, – добавляет он, – включает в себя общие ошибки, которые выбиваются из студента по ходу обучения”.

Бенчивенга в своей рецензии жалуется, что видна некоторая беспомощность в аргументации, проявляющаяся в отклонении от критических точек. Например, неличностная цель, или фундаментальное благо, которое, по А.М.Мониусу, делает реальность постижимой, – “это просто имя для тайны, – объясняет Бенчивенга, – которая сама нуждается в раскрытии”. Главная проблема, которая поразила Сайдера, состоит в том, что “в манускрипте нет обращения к типичному материалистическому, атеистическому ответу на этот аргумент”. А именно: если все должно иметь

объяснение, тогда все, включая приход к пониманию Бытия, должно иметь объяснение. Но что-то должно остаться необъясненным. Поэтому, говорит Сайдер, «почему бы не ограничиться земным, материалистическим описанием мира и не прибегать к Богу, или к “Приходя к пониманию”, или к чему бы то ни было еще»?

Вопреки этой критике, большинство рецензентов из академических кругов были предрасположены к тому, чтобы оценить такого рода метафизические спекуляции. Многие из них узнали об Институте А.М.Мониуса от Циммермана, который был им известен по организованной им ежегодной конференции под названием “Metaphysical Mayhem” (“Mighty Midwestern Metaphysical Mayhem”). Циммерман и Сайдер, сотоварищи по Мейхему, – заметил Тед Ворфилд, – вероятно, два лучших человека в мире моложе 40 лет, которые работают в области метафизики”.

Мейхемиты отличаются от других людей своего круга, который сформировался на базе антиметафизической традиции логического позитивизма. Как замечает сам Циммерман, мейхемиты восхищаются такими философами, как Дэвид Льюис и Сол Крипке из Принстона, Алвин Плантинга и поздний Родерик Чизом, которые помогли возродить метафизику, доказывая, что область традиционных философских тем – онтология, существование, сущность, естественный род – на самом деле является центральной при обсуждении проблем указания, значения, необходимости и возможности. Некоторые названия статей мейхемитов дают представление об их юморе: “The varieties of Vagueness”, “Fewer Than You Think”, “Impenitent Cartesianism”, “Homogeneous Stuff Objection to the Doctrine of Temporal Parts”.

Ян Кавер, бывший альпинист, который говорит с отчетливым акцентом анабаптистской коммуны, где он был воспитан, описывает мейхемитов как «банду “звезд”, которые являются просто аналитическими философами и логиками, предпочитающими строгое мышление, и заняты изгнанием метафизики старого стиля». Энтузиазм Кавера заразителен. В своей рецензии на “Приходя к пониманию” он говорит, что “трудно обнаружить столь упорный и богатый, более глубокий современный подход к наиболее фундаментальным вопросам метафизики”. Он даже взял на себя труд составить список типографских ошибок, включая предложение о том, как структурировать параграфы.

По мере того как мое время все больше поглощал Институт А.М.Мониуса, я начал думать о А.М.Мониусе как о Бытии, как о чем-то таком, что существовало для того, чтобы я мог постичь его. С такими высокими ставками я чувствовал, что надо прибегнуть к более

мощному оружию. Вооруженный моими впечатлениями о рукописи, а также списком потенциальных подозреваемых, я направился к известному литературному детективу Дональду Фостеру.

Дональд Фостер, профессор английского языка в Вассар-колледже, – вероятно наиболее известная фигура среди тех, кто использует текстологический анализ, и свои способности он проявил при идентификации Джо Клейна как автора романа à clef “Первичные цвета”. Я послал Фостеру копию рукописи и множество образцов сочинений подозреваемых. Фостер согласился помочь мне.

На основании той информации, которую я ему предоставил, Фостер не смог идентифицировать автора “Приходя к пониманию”. Но он смог отвести подозрения от некоторых лиц: «Можно восхищаться силой и формами Сигурни Уивер при уничтожении “чужих”, но она не является автором, который нападает на логический позитивизм». А что относительно Ларри Эллисона? Нет. То же относительно Хорста Дитера Стеклиса.

Фостер предложил искать белого мужчину, который учился в университете Нотр-Дам, хотя опять-таки им руководил инстинкт, а не профессиональные знания. Другая возможность, добавил он, состоит в том, что “А.М.Мониус мог бы быть человеком ярким и амбициозным, но в то же время смущаться, как горилла из Руанды”. Я признаю, что мы повеселились на счет А.М.Мониуса, но кто мог осудить нас? Не каждый день вы оказываетесь персонажем романа Томаса Пинчона.

Все же все философы, с которыми я контактировал, восхищались тем высоким духом, с которым А.М.Мониус пытается возродить метафизику. Они одобряли его приверженность высокому интеллекту, а не только финансам. Циммерман заметил, что современные философы редко имеют таких покровителей, какие были у Лейбница. И хотя верно, что Р.Чизом одно время пользовался поддержкой со стороны А.Барнса, богатого изобретателя лекарства “Аргирол”, редко благодетель ставит и исследует проблемы, как это имело место в случае А.М.Мониуса.

“Вот побольше бы нам непрофессионалов, которые бы интересовались философией!” – воскликнул Циммерман. С видимым возбуждением он рассуждал о возможности поддержки институтом “весьма широких проектов, например исследовательского центра”, – или даже лучше, добавил он с усмешкой, поддержки Мейхема!

Определенно, в этом представлении о А.М.Мониусе было что-то верное. Это вам не тот стереотипный любитель метафизики, который случайно наталкивается на спекуляции о структуре и цели вселенной

в результате общего сползания в паранойю и сумасшествие. Философия института слишком дисциплинирована для этого.

И все же есть свидетельства (такие, как вера в то, что институт сделал подлинный методологический прорыв в метафизике) относительно того, что у автора “Приходя к пониманию” нет полностью реалистического взгляда на эти вещи. После размещения на сайте всех рецензий там было объявлено о новой серии богатых исследовательских грантов для целей «прямого улучшения центральных аспектов работы “Приходя к пониманию”». Сообщение об этих грантах сопровождалось весьма хвастливым заявлением, что “ближайшая аналогичная программа института – это широкое сотрудничество в решении проблем, например, в биомедицинской науке наряду с выдающимся достижением – открытием генома человека”. И один из рецензентов простонал: “Не надо больше денег, не хочу больше думать о Мониусе!”.

Разоблачение личности А.М.Мониуса произошло гораздо быстрее – и гораздо более неожиданно, чем я предполагал. Когда я говорил с Фостером относительно текста “Приходя к пониманию”, он сказал мне об одном интригующем ключе, который он разыскал. Термин “kindmates”, который использовал А.М.Мониус на стр. 7, не упоминается в Большом оксфордском словаре. Как сообщил мне Фостер, термин появился в эссе Марка Джонстона, в то время заведующего департаментом философии в Принстоне.

Джонстон был неважным кандидатом на авторство: он был слишком профессиональным философом. Но, может быть, он был нанят А.М.Мониусом в качестве научного руководителя? Или же А.М.Мониус посещал его занятия? Когда я позвонил Джонстону, он признал, что использовал этот термин в течение 15 лет, но полагал, что вряд ли сам изобрел его. И он не мог вспомнить никого, с кем можно было связать авторство термина. Однако теперь я знал, что мой кандидат имеет отношение к Принстону.

Примерно в это время я все же связался лично со Стеклис в ее доме в Аризоне. Она была чрезвычайно любезна и извинилась за игру. Как и ожидалось, она не могла разгласить значительной части информации, хотя и отрицала, что кроме нее ее муж или Фонд изучения горилл имеют какое-то отношение к этому делу. И еще она сказала, что деньги института – это не за торговлю наркотиками.

Говоря со Стеклис, я почувствовал, что мог бы позвонить Хенесси, не вызвав у него при этом никакой тревоги. Хенесси также проявил любезность. “Вы должны сказать мне, почему вы обратились ко мне, – объяс-

нил он вежливо, – потому что я юрист и должен быть осторожным в разговорах, чтобы сохранить конфиденциальность клиентов”. Однако Хенесси опроверг предположение, что он является А.М.Мониусом.

Таким образом, остался Марк Сандерс. Следуя намеку по поводу термина, замеченного Фостером, я проверил справочник по Принстону, и там был действительно упомянут Марк Сандерс. Больше того, база данных по “Сандерс” и “Принстон” подвела к разгадке совсем близко. В перечне институтов за июнь 1978 г. в журнале “Current Anthropology” было любопытное сообщение: «Образован институт “Philosophia naturalis”, находящийся в Принстоне и предполагающий поощрять исследования теоретических и эпистемологических принципов в области физических, естественных и социальных наук, которые ввиду использования необычных методов или необычной сферы исследования не могут быть адекватно поддержаны в рамках традиционной науки». Своей концепцией этот институт был обязан исполнительному директору Марку Сандерсу, бизнесмену из Принстона.

Для моего уха название этого института было очень сходно с названием Института А.М.Мониуса. Оба института имели целью поощрять широкие исследования за пределами традиционных границ науки, в названии обоих использовались слова, связанные с древностью, и оба были склонны привлекать к сотрудничеству представителей академических кругов. В самом деле, в принстонском институте в попечительский совет входили Фримен Дайсон, Стефен Гулд, Томас Кун и Скиннер.

Сандерс стал для меня подозреваемым номер один. Даже если он не был настоящим автором рукописи “Приходя к пониманию”, я сообразил, что он финансово вовлечен в это. Без всякой надежды на получение образца его письма, я решил позвонить ему домой в Принстон. Когда он взял трубку, я объяснил, что пишу статью об Институте А.М.Мониуса, что уже говорил со Стеклис и Хенесси и теперь хочу поговорить и с ним. Сандерс спросил, не смогу ли я перезвонить через несколько дней, и я согласился. Через час после этого я получил от него письмо по электронной почте. Предполагая, что я уже вычислил его, он признался, что является А.М.Мониусом.

И после этого все было кончено. Но прежде Сандерс попросил сохранить его анонимность перед публикой. “Вы открыли, что я Аммонius, – писал он, – и я знаю, что вы думаете, что информировать об этом мир – ваша задача”. Сандерс предпочел дальнейшую анонимность, как он объяснил, потому, что “неудавшаяся попытка стать профессионалом” не должна оказаться достоянием публики и, таким образом, спровоциро-

вать профессиональных философов на то, чтобы просто отмахиваться от идеи рецензировать его работы, поскольку они принадлежат, как стало известно, любителю.

Все это было написано на печальной ноте. Прочитав письмо, я нашёл, что обнаружение человека, который скрывался за Институтом А.М.Мониуса, напоминает сцену из “Волшебника Изумрудного города”, когда собака Тото дергает за занавес, и все видят, что “великий и ужасный” Волшебник – это маленький человечек, не имеющий ничего общего с величественным фасадом.

Но подождите одну исполненную мелодраматизма секунду: разве не было чего-то странного в просьбе Сандерса? В конце концов философы, с которыми я говорил, с самого начала предполагали, что “Приходя к пониманию” была работой любителя. Дело не только в том, что рукопись носила отпечаток любительства, но и в том, что весь институт представлялся неоновой вывеской того факта, что это не профессиональный философ, работающий по профессиональным канонам.

Нет, абсолютно ясно, что именно *деньги* убедили рецензентов написать свои отзывы. И анонимность института только усиливала колебания участников. Поэтому я написал Сандерсу в ответ, что если его изначальной целью было, как он утверждал, привлечь рецензентов к сотрудничеству, тогда я могу заверить, что моя статья только расширит круг философов, которые могли бы проявить интерес к его проекту.

Ответ Сандерса был откровенным, и смысл его изменился. Он объяснил, что больше не интересуется профессиональными исследователями из академических кругов, которые являются читателями “Lingua Franca”. Несмотря на его глубокое восхищение работой специалистов-философов, у него сложилось безрадостное впечатление об изолированной сектантской культуре их дисциплины. “Я обнаружил, что профессиональные философы – это гордецы, толпа, которая защищает свою территорию, проявляя огромное презрение к аутсайдерам”, – написал Сандерс. “Мои прошлые попытки опубликовать свою работу не выходили за пределы первых контактов, потому что я не состоял в академии”.

Даже волнующий процесс получения рецензий на “Приходя к пониманию” на его сайт оставил Сандерса в угнетённом настроении. “Ясно, что ни один из философов-рецензентов не проделал бы этой работы без значительного гонорара”, – жаловался он. Но само по себе это не волновало его: “Я смотрю на эти деньги как на неадекватную попытку поощрения серьёзной занятости философов, которую я ценю больше всего остального”. Сандерса действительно разочаровало то, что многие фи-

лософы не восприняли его работу серьезно *даже после* того, как получили значительные суммы денег. Он заметил, что есть “интеллектуально честные люди”, назвав Джона Кавера как пример человека, который по-настоящему был занят работой, а не просто “плыл по течению” и, таким образом, сделал все предприятие стоящим того. Но по большому счету, худшие подозрения Сандерса относительно профессии подтвердились. Заявив это, он отказался привести другие подробности.

Прервав контакт, Сандерс оставил меня наедине с некоторыми непонятными вещами. Какова его связь со Стеклис? Как он сколотил состояние? Какого рода организацией был Институт натуральной философии? Я хотел бы разрешить и эти вопросы, но у меня заканчивалось время и мои источники иссякали. Стеклис и Хенесси было запрещено впредь общаться со мною, а два ныне здравствующих члена попечительского совета – Дайсон и Гулд* – не ответили на мои запросы.

Возможно, что-то другое удержало меня от дальнейшего расследования. Было совершенно ясно, что существовало достаточно много противоречий в том, что я знал о Марке Сандерсе, и это мешало дальнейшему исследованию. Он был человеком, который хотел участвовать в научных дебатах просто как еще один философ, но ухитрился сделать это таким эксцентричным образом, что стал совсем не похожим на других философов. Он был независимым исследователем, который негодовал по поводу профессионалов, так что решил пролить над ними денежный дождь. И он стремился присоединиться к постпозитивистскому миру современной метафизики, в то же время сохраняя мистический оттенок и ловушки величественного видения прошлой философии, которую так эффективно высмеивали позитивисты. Все это было верно о Сандерсе, и все это было по-настоящему интригующим.

Но тайна Института А.М.Мониуса, оказавшись раскрытой, стала слишком человеческой. Придется вновь тосковать по загадке и ограничиваться сухой реальностью мирских мотивов, замешательства и гордыни. Как хорошо сказал Сократ в “Федре” Платона (что близко сердцу А.М.Мониуса), “искатель чистого знания восхищается видением того, что Реально и что Истинно, и чувствует себя замечательно...”.

* Гулд, известный биолог и автор популярных книг, недавно умер. – *Прим. перев.*